

ВСЕ ПРИТЧИ МИРА

СОЛЬ МУДРОСТИ ВЕКОВ
НЕ ИСТИНА, НО ПОУЧЕНИЕ

Сборник
Гелена Слабко
Все притчи мира
Серия «Большая книга мудрости»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24630833
Все притчи мира / сост. Г.Н. Слабко: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-102786-5

Аннотация

Притча издавна ценилась как великими мыслителями, так и простыми людьми различных культур и мировоззрений. Краткие иносказательные истории, наполненные глубоким смыслом, стали идеальной формой для передачи прежде невыразимых знаний. В этой книге собраны притчи разных времён и народов, объединённые главным: заложенными в них вечными идеями. Порой язвительные, иногда парадоксальные, нередко вызывающие долгие раздумья, эти притчи на протяжении многих столетий остаются источником духовной и житейской мудрости человечества.

Содержание

Арабские притчи	4
Сказка о сказке	4
Истина	13
Правда и ложь	26
Не те пятки	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Все притчи мира

Арабские притчи

Сказка о сказке

Однажды Истине пришло в голову попасть во дворец. Во дворец самого Гарун-аль-Рашида.

Аллах акбар! Создав женщину, ты создал фантазию.

Она сказала себе:

– А почему бы и нет? Много гурий в раю пророка, много красавиц в земном раю, – в гареме халифа. В садах пророка не была бы я последней из гурий, среди жён падишаха я, быть может, была бы первой из жён, и среди одалисок – первой из его одалисок. Где кораллы ярче моих губ, и дыхание их – как воздух полудня. Стройны мои ноги, и как две лилии – грудь моя, – лилии, на которых выступили пятнышки крови. Счастлив тот, кто склонит голову на мою грудь. Чудные сны приснятся ему. Как луна в первый день полнолуния, светло лицо моё. Как чёрные бриллианты горят мои глаза, и тот, кто в минуту страсти заглянет в них близко-близко – как бы велик он ни был! – увидит себя в них таким маленьким, таким маленьким, что рассмеётся. Аллах создал меня в минуту радости, и вся я – песнь своему творцу.

Взяла и пошла. Одета только в свою красоту.

На пороге дворца её с ужасом остановил страж.

– Чего ты хочешь здесь, женщина, забывшая надеть не только чадру!

– Я хочу видеть славного и могущественного султана Гарун-аль-Рашида, падишаха и халифа, нашего великого повелителя. Аллах один да будет повелителем на земле.

– Да будет во всём воля Аллаха. Как твоё имя? Бесстыдство?

– Моё имя: Истина. Я не сержусь на тебя, воин. Истину часто принимают за бесстыдство, так же, как ложь за стыд. Иди и доложи обо мне.

Во дворце халифа все пришли в волнение, узнав, что пришла Истина.

– Её приход часто означает уход для многих! – задумчиво сказал великий визирь Джаффар.

И все визири почувствовали опасность.

– Но она женщина! – сказал Джаффар. – У нас принято, что всяким делом занимается тот, кто в нём ничего не понимает. И потому женщинами ведают евнухи.

Он обратился к великому евнуху. Хранителю покоя, чести и счастья падишаха. И сказал ему:

– Величайший из евнухов! Там пришла женщина, полагающаяся на свою красоту. Удали её. Помня, однако, что всё это происходит во дворце. Удали её по-придворному. Так, чтоб всё было красиво и пристойно.

Великий евнух вышел на крыльцо и мёртвыми глазами взглянул на обнажённую женщину.

– Ты хочешь видеть халифа? Но халиф не должен видеть тебя в таком виде.

– Почему?

– В таком виде приходят на этот свет. В таком виде уходят с него. Но ходить в таком виде на этом свете нельзя.

– Истина только тогда и хороша, когда она голая истина.

– Твои слова звучат правильно, как закон. Но падишах выше закона. И падишах не увидит тебя такой!

– Такою создал меня Аллах. Берегись, евнух, осуждать или порицать. Осуждение было бы безумием, порицание – дерзостью.

– Я не смею осуждать или порицать того, что создал Аллах. Но Аллах создал картофель сырым. Однако, прежде чем есть картофель, его варят. Аллах создал мясо барашка полным крови. Но чтобы есть мясо барашка, его сначала жарят. Аллах создал рис твёрдым, как кость. И чтобы есть рис, люди варят его и посыпают шафраном. Что сказали бы о человеке, который стал бы есть сырой картофель, сырое баранье мясо и грызть сырой рис, говоря: «Таковыми создал их Аллах!»? Так и женщина. Для того, чтобы быть раздетой, она должна быть сначала одета.

– Картофель, баранина, рис! – с негодованием воскликнула Истина. – А яблоки, а груши, душистые дыни? Их тоже варят, евнух, прежде чем есть?

Евнух улыбнулся так, как улыбаются евнухи и жабы.

– У дыни срезают корку. С яблок и груш снимают кожу. Если ты хочешь, чтоб мы поступили также с тобою...

Истина поспешила уйти.

– С кем ты говорил сегодня утром, у входа во дворец и, кажется, говорил сурово? – спросил Гарун-аль-Рашид у хранителя его покоя, чести и счастья. – И почему во дворце было такое смятение?

– Какая-то женщина, бесстыдная до того, что желает ходить так, как её создал Аллах, хотела тебя видеть! – ответил великий евнух.

– Боль родит страх, а страх родит стыд! – сказал халиф. – Если эта женщина бесстыдна, поступите с ней по закону!

– Мы исполняем твою волю, прежде чем она произнесена! – сказал великий визирь Джиаффар, целуя землю у ног повелителя. – С женщиной так и поступлено!

И султан, с благосклонностью глядя на него, сказал:

– Аллах акбар!

Аллах акбар! Создав женщину, ты создал упрямство.

Истине пришлось в голову попасть во дворец. Во дворец самого Гарун-аль-Рашида.

Истина надела власяницу, подпоясалась верёвкой, взяла в руку посох и снова пришла ко дворцу.

– Я – Обличение! – сурово сказала она стражу. – Именем Аллаха я требую, чтобы меня допустили к халифу.

И страж в ужасе – стражи всегда приходят в ужас, когда ко

дворцу халифа приближается посторонний, – страж в ужасе побежал к великому визирю.

– Опять та женщина! – сказал он. – Она прикрыта власяницей и называет себя Обличением. Но по глазам я увидел, что она – Истина.

Визирь пришел в волнение.

– Какое неуважение к султану – идти против нашей воли!

И Джаффар сказал:

– Обличение? Это уж касается великого муфтия.

Призвал великого муфтия и поклонился ему:

– Да спасёт нас твоя праведность! Поступи благочестиво и по-придворному.

Великий муфтий вышел к женщине, поклонился ей до земли и сказал:

– Ты – Обличение? Да будет благословен твой каждый шаг на земле. Когда муэдзин с минарета пропоёт славу Аллаху и правоверные соберутся в мечеть для молитвы, – приходи. Украшенное резьбою и перламутром кресло шейха я с поклоном уступлю тебе. Обличай правоверных! Твоё место в мечети.

– Я хочу видеть халифа!

– Дитя моё! Государство – это могучее дерево, корни которого глубоко ушли в землю. Народ – это листья, которые покрывают дерево, и падишах – это цветок, который цветёт на этом дереве. И корни, и дерево, и листья, – всё для того, чтобы пышно цвёл этот цветок. И благоухал, и украшал де-

рево. Так создал Аллах! Так хочет Аллах! Твои слова, слова Обличения, – поистине живая вода. Да будет благословенна каждая росинка этой воды! Но где ж ты слышала, дитя, чтобы поливали самый цветок? Поливают корни. Поливай корни, чтоб пышней цвёл цветок. Поливай корни, моё дитя. Иди отсюда с миром, твоё место в мечети. Среди простых правоверных. Там обличай!

И со слезами злости на глазах ушла Истина от ласкового и мягкого муфтия.

А Гарун-аль-Рашид спросил в тот день:

– Сегодня утром, у входа в мой дворец ты говорил с кем-то, великий муфтий, и говорил кротко и ласково, как всегда, – а во дворце почему-то была в это время тревога? Почему?

Муфтий поцеловал землю у ног падишаха и ответил:

– Все беспокоились, а я говорил кротко и ласково, потому что это была безумная. Она пришла во власянице и хотела, чтобы ты тоже ходил во власянице. Смешно даже подумать! Стоит ли быть властителем Багдада и Дамаска, Бейрута и Бельбека, чтобы ходить во власянице! Это значило бы быть неблагодарным Аллаху за его дары. Такие мысли могут приходить только безумным.

– Ты прав, – сказал халиф, – если эта женщина безумна – к ней надо отнестись с жалостью, но сделать так, чтобы она не могла никому повредить.

– Твои слова, падишах, служат похвалою для нас, твоих

слуг. Так нами и поступлено с женщиной! – сказал Джаифар.

И Гарун-аль-Рашид с благодарностью взглянул на небо, пославшее ему таких слуг:

– Аллах акбар!

Аллах акбар! Создав женщину, ты создал хитрость.

Истине пришло в голову попасть во дворец. Во дворец самого Гарун-аль-Рашида.

Истина приказала достать себе пёстрых шалей из Индии, прозрачного шёлка из Бруссy, золотом затканых материй из Смирны. Со дна моря она достала себе жёлтых янтарей. Убрала себя перьями птичек, таких маленьких, что они похожи на золотых мух и боятся пауков. Убрала себя бриллиантами, похожими на крупные слёзы, рубинами, как капли крови, розовым жемчугом, который кажется на теле следом от поцелуев, сапфирами, подобными кусочкам неба.

И, рассказывая чудеса про все эти чудесные вещи, весёлая, радостная, с горящими глазами, окружённая несметной толпой, слушавшей её с жадностью, восторгом, с замиранием сердца, – подошла ко дворцу.

– Я Сказка. Я – Сказка, пёстрая, как персидский ковёр, как весенние луга, как индийская шаль. Слушайте, слушайте, как звенят мои запястья и браслеты на руках, на ногах. Они звенят так же, как звенят золотые колокольчики на фарфоровых башнях богдыхана китайского. Я расскажу вам о нём. Смотрите на эти бриллианты, они похожи на слёзы, ко-

торые проливала прекрасная принцесса, когда милый уезжал на край света за славой и подарками для неё.

Я расскажу вам о прекраснейшей в мире принцессе. Я расскажу вам о любовнике, который оставлял на груди своей милой такие же следы от поцелуев, как эта розовая жемчужина. А её глаза в это время становились от страсти матовыми, большими и чёрными, как ночь или этот чёрный жемчуг.

Я расскажу об их ласках. Об их ласках в ту ночь, когда небо было синим-синим, как этот сапфир, а звёзды блистали, как это алмазное кружево. Я хочу видеть падишаха, пусть Аллах пошлёт ему столько десятков лет жизни, сколько букв в его имени, и удвоит их число и снова удвоит, потому что нет конца и предела щедрости Аллаха. Я хочу видеть падишаха, чтобы рассказать ему про леса из пальм, завитые лианами, где летают вот эти птички, похожие на золотых мух, про львов абиссинского Негуса, про слонов раджи Джейпура, про красоту Тадж-Магалья, про жемчуга повелителя Непала. Я – Сказка, я пёстрая Сказка.

И заслушавшийся её историй, страж позабыл о том, чтобы доложить о ней визирям. Но Сказку уж увидели из окон дворца.

– Там сказка! Там пёстрая Сказка!

И Джиаффар, великий визирь, сказал, поглаживая бороду и с улыбкой:

– Она хочет видеть падишаха? Пустите её! Нам ли бояться вымыслов? Тот, кто делает ножи, ножей не боится.

И сам Гарун-аль-Рашид, услышав весёлый шум, спросил:
– Что там? Перед дворцом и во дворце? Что за говор? Что за шум?

– Это пришла Сказка! В чудеса разодетая Сказка! Её слушают сейчас в Багдаде все, все в Багдаде, от мала до велика, и наслушаться не могут. Она пришла к тебе, повелитель!

– Аллах да будет один повелитель! И я хочу слышать то же, что слышит каждый из моих подданных. Пустите её!

И все резные, и слоновой кости, и перламутровые двери открылись перед Сказкой.

И среди поклонов придворных и ниц упавших рабов Сказка прошла к халифу Гарун-аль-Рашиду.

Он встретил её ласковой улыбкой. И Истина в виде Сказки предстала перед халифом.

Он сказал ей, ласково улыбаясь:

– Говори, дитя моё, я тебя слушаю.

Аллах акбар! Ты создал Истину. Истине пришло в голову попасть во дворец. Во дворец самого Гарун-аль-Рашида. Истина всегда добьётся своего.

Кизмет!

Истина

За высокими горами, за дремучим лесом жила царица Истина.

Рассказами о ней был полон весь мир.

Её не видел никто, но все любили. О ней говорили пророки, о ней пели поэты. При мысли о ней кровь загоралась в жилах. Ею грезили во сне.

Одним она являлась в грёзах в виде девушки с золотистыми волосами, ласковой, доброй и нежной. Другим грезилась чернокудрая красавица, страстная и грозная. Это зависело от песен поэтов.

Одни пели:

– Видел ли ты, как в солнечный день, словно море, золотыми волнами ходит спелая нива? Таковы волосы царицы Истины. Расплавленным золотом льются они по обнажённым плечам и спине и касаются её ног. Как васильки в спелой пшенице горят её глаза. Встань тёмной ночью и дождись, как зарозовеет на востоке первое облачко, предвестник утра. Ты увидишь цвет её щёк. Как вечный цветок, цветет и не отцветает улыбка на её коралловых устах. Всем и всегда улыбается Истина, которая живёт там, за высокими горами, за дремучим лесом.

Другие пели:

– Как тёмная ночь черны волны её благоухающих волос.

Как молния блещут глаза. Бледно прекрасное лицо. Только избраннику улыбнётся она, черноокая, чернокудрая, грозная красавица, которая живёт там, за дремучим лесом, за высокими горами.

И юный витязь Хазир решил увидеть царицу Истину.

Там за крутыми горами, там за чащей непроходимого леса, — пели все песни, — стоит дворец из небесной лазури, с колоннами из облаков. Счастлив смелый, которого не испугают высокие горы, кто пройдёт через дремучий лес. Счастлив он, когда достигнет лазурного дворца, усталый, измученный, и упадёт на ступени и споёт призывную песнь. Выйдет к нему обнажённая красавица. Аллах только раз видел такую красоту! Восторгом и счастьем наполнится сердце юноши. Чудные мысли закипят в его голове, чудные слова — на его устах. Лес расступится перед ним, горы склонят свои вершины и сравняются с землёй на его пути. Он вернётся в мир и расскажет о красоте царицы Истины. И, слушая его вдохновенную повесть о её красоте, все, сколько есть на свете людей, — все полюбят Истину. Её одну. Она одна будет царицей земли, и золотой век настанет в её царстве. Счастлив, счастлив тот, кто увидит её!

Хазир решил ехать и увидеть Истину.

Он заседлал арабского коня, белого, как молоко. Туго стянулся узорным поясом, обвешал себя дедовским оружием с золотой насечкой.

И, поклонившись товарищам, женщинам и старым витяз-

зям, собравшимся полюбоваться на молодца, сказал:

– Пожелайте мне доброго пути! Я еду, чтобы увидеть царицу Истину и взглянуть в её очи. Вернусь и расскажу об её красоте.

Сказал, дал шпоры своему коню и поскакал. Вихрем нёсся конь по горам, крутился по тропинкам, по которым и козочке проскакать бы с трудом, распластавшись по воздуху, перелетал через пропасти.

И через неделю, на усталом и измученном коне, витязь Хазир подъезжал к опушке дремучего леса.

На опушке стояли кельи, а среди них жужжали на пчельнике золотые пчёлы.

Тут жили мудрецы, удалившиеся от земли, и думали о небесном. Они звались: Первые стражи Истины.

Заслышав конский топот, они вышли из келий и с радостью приветствовали увешанного оружием юношу. Самый старый и почтенный из них сказал:

– Будь благословен каждый приход юноши к мудрецам! Небо благословляло тебя, когда ты седлал своего коня!

Хазир соскочил с седла, преклонил колена перед мудрым старцем и ответил:

– Мысли – седины ума. Приветствую седины твоих волос и твоёго ума.

Старику понравился учтивый ответ, и он сказал:

– Небо уже благословило твоё намерение: ты благополучно прибыл к нам через горы. Разве ты правил на этих козых

тропинках? Архангел вёл под уздцы твою лошадь. Ангелы своими крыльями поддерживали твоёго коня, когда он, распластавшись в воздухе, словно белый орёл, перелетал через бездонные пропасти. Какое доброе намерение привело тебя сюда?

Хазир отвечал:

– Я еду, чтоб увидеть царицу Истину. Весь мир полон песен о ней. Одни поют, что волосы её светлы, как золото пшеницы, другие, – что черны как ночь. Но все сходятся в одном: что царица прекрасна. Я хочу увидеть её, чтоб потом рассказать людям о её красоте. Пусть все, сколько есть людей на свете, полюбят её.

– Доброе намерение! Доброе намерение! – похвалил мудрец. – И ты не мог поступить лучше, как явившись за этим к нам. Оставь твоёго коня, войди в эту келью, и мы расскажем тебе всё про красоту царицы Истины. Твой конь пока отдохнёт, и, вернувшись в мир, ты сможешь рассказать людям всё про красоту царицы.

– А ты видел Истину? – воскликнул юноша, с завистью глядя на старика.

Мудрый старец улыбнулся и пожал плечами.

– Мы живём на опушке леса, а Истина живёт вон там, за дремучей чащей. Дорога туда трудна, опасна, почти невозможна. Да и зачем нам, мудрым, делать эту дорогу и предпринимать напрасные труды? Зачем нам идти смотреть Истину, когда мы и так знаем, какова она? Мы мудры, мы зна-

ем. Пойдём, и я расскажу тебе о царице все подробности!

Но Хазир поклонился и вдел ногу в стремя:

– Благодарю тебя, мудрый старик! Но я сам хочу увидеть Истину. Своими глазами!

Он был уже на коне.

Мудрец даже затрясся от негодования.

– Ни с места! – крикнул он. – Как? Что? Ты не веришь в мудрость? Ты не веришь в знание? Ты смеешь думать, что мы можем ошибаться? Смеешь не доверять нам, мудрецам! Мальчишка, щенок, молокосос!

Но Хазир взмахнул шёлковой плёткой.

– Прочь с дороги! Не то я оскорблю тебя плёткой, которой не оскорблял даже коня!

Мудрецы шарахнулись в стороны, и Хазир помчался на отдохнувшем коне.

Вдогонку ему раздавались напутствия мудрецов:

– Чтоб ты сгинул, негодяй! Пусть небо накажет тебя за дерзость! Помни, мальчишка, в час смерти: кто оскорбляет одного мудрого, оскорбляет весь мир! Чтоб тебе сломать шею, мерзавец!

Хазир мчался на своём коне. Лес становился всё гуще и выше. Кудрявые кустарники перешли в дубраву. Через день пути, в тенистой, прохладной дубраве, Хазир выехал к храму.

Это была великолепная мечеть, какую редко сподобливался видеть кто из смертных. В ней жили дервиши, которые

смиренно звали себя: Псами Истины. И которых звали другие: Верными стражами.

Когда молчаливая дубрава проснулась от топота коня, навстречу витязю вышли дервиши, с верховным муллой во главе.

– Пусть будет благословен всякий, кто приходит к храму Аллаха, – сказал мулла, – тот, кто приходит в юности, благословен на всю жизнь!

– Благословен! – подтвердили хором дервиши.

Хазир проворно соскочил с коня, глубоко поклонился мулле и дервишам.

– Молитесь за путника! – сказал он.

– Откуда и куда держишь путь? – спросил мулла.

– Еду для того, чтобы, вернувшись в мир, рассказать людям о красоте Истины.

И Хазир рассказал мулле и дервишам про свою встречу с мудрецами.

Дервиши рассмеялись, когда он рассказал, как он должен был плёткой пригрозить мудрецам, и верховный мулла сказал:

– Не иначе, как сам Аллах внушил тебе мысль поднять плетку! Ты хорошо сделал, что приехал к нам. Что могли сказать тебе мудрецы про Истину? То, до чего они дошли своим умом! Выдумки! А мы имеем все сведения о царице Истине, полученные прямо с неба. Мы расскажем тебе всё, что знаем, и ты будешь иметь сведения самые верные. Мы скажем

тебе всё, что сказано о царице Истине в наших священных книгах.

Хазир поклонился и сказал:

– Благодарю тебя, отец. Но я поехал не для того, чтоб слушать чужие рассказы или читать, что пишется в священных книгах. Это я мог сделать и дома. Не стоило трудить ни себя, ни лошадь.

Мулла нахмурился слегка и сказал:

– Ну, ну! Не упрямясь, мой мальчик! Ведь я знаю тебя давно. Я знал тебя, когда ещё жил в мире, когда ты был совсем маленьким, и часто держал тебя на коленях. Я ведь и отца твоёго Гафиза знал, и деда твоёго Аммелека тоже знал отлично. Славный человек был твой дед Аммелек. Он тоже подумывал о царице Истине. У него в доме лежал Коран. Но он даже и не раскрывал Корана, – он довольствовался тем, что ему рассказывали об Истине дервиши. Он знал, что в Коране написано, должно быть, то же самое, – ну, и довольно. К чему ж ещё читать книгу! Твой отец Гафиз тоже был очень хороший человек, но этот был помудрёнее. Как задумается, бывало, об Истине, возьмёт сам Коран и прочтёт. Прочтёт и успокоится. Ну, а ты ещё дальше пошёл. Ишь ты какой. Тебе и книги мало. К нам порасспросить приехал. Молодец, хвалю, хвалю! Идём, готов рассказать тебе всё, что знаю. Готов!

Хазир улыбнулся:

– Отец мой пошёл дальше, чем дед. Я – дальше, чем отец. Значит, сын мой пойдёт ещё дальше, чем я? И сам, своими

глазами захочет увидеть Истину? Не так ли надо думать?

Мулла вздохнул:

– Кто знает! Кто знает! Всё может быть! Человек не деревцо. Смотришь на побег – не знаешь, что вырастет: дуб, сосна или ясень.

Хазир сидел уж на коне.

– Ну, так вот что! – сказал он. – Зачем же оставлять сыну то, что могу сделать я сам?

И он тронул лошадь. Мулла схватил его за повод.

– Стой, нечестивец! Как же ты смеешь после всего, что я сказал, продолжать путь? А, неверная собака! Так ты смеешь, значит, не верить ни нам, ни Корану!

Но Хазир дал шпоры своему коню. Конь взвился, и мулла отлетел в сторону. Одним прыжком Хазир был уже в чаще, а вслед ему неслись проклятия муллы, крики и вой дервишей.

– Будь проклят, нечестивец! Будь проклят, гнусный оскорбитель! Кого ты оскорбил, оскорбляя нас? Пусть раскалённые гвозди впиваются в копыта твоей лошади при каждом её шаге! Ты едешь на гибель!

– Пусть разлезется твой живот! Пусть выползут, как гадины, как змеи, твои внутренности! – выли дервиши, катаясь по земле.

Хазир продолжал путь. А путь становился всё труднее и труднее. Лес всё чаще, и чаща всё непроходимее. Пробираться приходилось уж шагом, да и то с большим трудом.

Как вдруг раздался крик:

– Остановись!

И, взглянув вперёд, Хазир увидел воина, который стоял с натянутым луком, готовый спустить дрожащую стрелу с тугой тетивы. Хазир остановил коня.

– Кто такой? Куда едешь? Откуда? И зачем держишь путь? – спросил воин.

– А ты что за человек? – переспросил его, в свою очередь, Хазир. – И по какому праву спрашиваешь? И для какой надобности?

– А спрашиваю я по такому праву и для такой надобности, – отвечал воин, – что я воин великого падишаха. А приставлен я с товарищами и с начальниками для того, чтоб охранять священный лес. Понял? Ты находишься на заставе, которая называется «заставой Истины», – ибо она устроена для охраны царицы Истины!

Тогда Хазир рассказал воину, куда и зачем он едет. Услышав, что витязь держит путь к лазурному дворцу Истины, воин позвал своих товарищей и предводителей.

– Ты хочешь узнать, какая такая на самом деле Истина? – сказал главный предводитель, любясь дорогим оружием, славным конём и молодецкой посадкой Хазира. – Доброе намерение, юный витязь! Доброе намерение! Сходи же скорей с твоёго коня, – идём, я тебе всё расскажу. В законах великого падишаха всё написано, какая должна быть Истина, – и я тебе охотно прочту. Можешь потом вернуться и рассказывать.

– Благодарю тебя! – отвечал Хазир. – Но я отправился затем, чтобы видеть её своими глазами.

– Эге! – сказал предводитель. – Да мы, брат, не мудрецы тебе, не муллы и не дервиши! Мы разговаривать много не умеем. Слезай-ка с коня, живо, без разговоров!

И предводитель взялся за саблю. Воины тоже понаклонили копья. Конь испуганно насторожил уши, захрапел и попытился.

Но Хазир вонзил ему шпоры в бока, пригнулся в луке и, засвистав над головой кривою саблей, крикнул:

– Прочь с дороги, кому жизнь ещё мила!

За ним только раздались крики и вой.

Хазир уже летел сквозь густую чащу.

А вершины деревьев всё плотней и плотней смыкались над головой. Скоро стало так темно, что и днём царила в лесу ночь. Колючие кустарники плотной стеной преграждали дорогу.

Обессиленный и измученный благородный конь уж терпеливо выносил удары плетки и, наконец, пал. Хазир пошёл пешком пробираться через лес. Колючий кустарник рвал и драл на нём одежду. Среди тьмы дремучего леса он слышал рёв и грохот водопадов, переплывал бурные реки и выбивался из сил в борьбе с лесными потоками, холодными, как лёд, бешеными, как звери.

Не зная, когда кончался день, когда начиналась ночь, он брёл и, засыпая на мокрой и холодной земле, истерзанный и

окровавленный, он слышал кругом в лесной чаще вой шакалов, гиен и рёв тигров.

Так неделю брёл он по лесу и вдруг зашатался: ему показалось, что молния ослепила его.

Прямо из тёмной, непроходимой чащи он вышел на поляну, залитую ослепительным солнечным светом.

Сзади чёрной стеной стоял дремучий бор, а посреди поляны, покрытой цветами, стоял дворец, словно сделанный из небесной лазури. Ступени к нему сверкали, как сверкает снег на вершинах гор. Солнечный свет обвил лазурь и, как паутиной, одел её тонкими золотыми чёрточками дивных стихов из Корана.

Платье лохмотьями висело на Хазире. Только оружие с золотой насечкой было всё цело. Полуобнажённый, могучий, с бронзовым телом, увешанный оружием, – он был ещё красивее.

Хазир, шатаясь, дошёл до белоснежных ступеней и, как пелось в песнях, измученный и без сил упал на землю.

Но роса, которая брильянтами покрывала благоухающие цветы, освежила его.

Он поднялся, снова полный сил, он не чувствовал более боли от ссадин и ран, не чувствовал усталости ни в руках, ни в ногах. Хазир запел:

– Я пришёл к тебе чрез дремучий лес, чрез густую чащу, чрез высокие горы, чрез широкие реки. И в непроглядной тьме дремучего бора мне светло было, как днём. Сплетав-

шиеся верхушки деревьев казались мне ласковым небом, и звёзды горели для меня в их ветвях. Рев водопадов казался мне журчаньем ручейков, и вой шакалов песнью звучал в моих ушах. В проклятиях врагов я слышал добрые голоса друзей, и острые кустарники казались мне мягким, нежным пухом. Ведь я думал о тебе! Я шёл к тебе! Выйди же, выйди, царица снов моей души!

И, услышав тихий звук медленных шагов, Хазир даже зазмурился: он боялся, что ослепнет от вида чудной красавицы.

Он стоял с сильно бьющимся сердцем, и когда набрался смелости и открыл глаза, – перед ним была голая старуха. Кожа её, коричневая и покрытая морщинами, висела складками. Седые волосы свалились в космы. Глаза слезились. Сгорбленная, она едва держалась, опираясь на клюку. Хазир с отвращением отшатнулся.

– Я – Истина! – сказала она.

И так как остолбеневший Хазир не мог пошевелить языком, она печально улыбнулась беззубым ртом и сказала:

– А ты думал найти красавицу? Да, я была такой! В первый день создания мира. Сам Аллах только раз видел такую красоту! Но ведь с тех пор века веков промчались за веками. Я стара, как мир, я много страдала, а от этого не делаются прекраснее, мой витязь! Не делаются!

Хазир чувствовал, что он сходит с ума.

– О, эти песни про златокудрую, про чернокудрую красавицу!

вицу! – простонал он. – Что я скажу теперь, когда вернусь? Все знают, что я ушёл, чтоб видеть красавицу! Все знают Хазира, – Хазир не вернётся живой, не исполнив своего слова! У меня спросят, – спросят: «Какие у неё кудри, – золотые, как спелая пшеница, или тёмные, как ночь? Как васильки или как молнии горят её глаза?» А я!

Я отвечу: «Её седые волосы, как свалявшиеся комья шерсти, её красные глаза слезятся»...

– Да, да, да! – прервала его Истина. – Ты скажешь всё это! Ты скажешь, что коричневая кожа складками висит на искривлённых костях, что глубоко провалился чёрный, беззубый рот! – И все с отвращением отвернутся от этой безобразной Истины. Никто уж больше никогда не будет любить меня! Грезить чудной красавицей! Ни в чьих жилах не загорится кровь при мысли обо мне. Весь мир, – весь мир отвернётся от меня.

Хазир стоял перед нею с безумным взглядом, схватившись за голову:

– Что ж мне сказать? Что ж мне сказать?

Истина упала перед ним на колени и, протягивая к нему руки, сказала умоляющим голосом:

– Солги!

Правда и ложь

(Персидская сказка)

Однажды на дороге близ большого города встретились Лжец и человек Правдивый.

– Здравствуй, Лжец! – сказал Лжец.

– Здравствуй, Лжец! – ответил Правдивый.

– Ты чего же ругаешься? – обиделся Лжец.

– Я-то не ругаюсь. Вот ты-то лжешь.

– Такое моё дело. Я всегда лгу.

– А я всегда говорю правду.

– Напрасно!

Лжец засмеялся.

– Велика штука сказать правду! Видишь, стоит дерево. Ты и скажешь: «стоит дерево». Так это и всякий дурак скажет. Нехитро! Чтоб соврать, надо что-нибудь придумать, а чтоб придумать, надо всё-таки мозгами поворочать, а чтоб ими поворочать, надо их иметь. Лжёт человек, значит, ум обнаруживает.

А правду говорит, стало быть, дурак. Ничего придумать не может.

– Лжёшь ты всё! – сказал Правдивый. – Выше правды ничего нет. Правда украшает жизнь!

– Ой ли? – опять засмеялся Лжец. – Хочешь пойдём в город, попробуем.

– Пойдём!

– Кто больше людей счастливыми сделает: ты со своей правдой, я ли с моей ложью.

– Идём. Идём.

И пошли они в большой город.

Был полдень, а потому было жарко. Было жарко, а потому на улицах ни души не было. Только собака какая-то дорогу перебежала.

Лжец и Правдивый зашли в кофейню.

– Здравствуйте, добрые люди! – приветствовали их сидевшие, словно сонные мухи, в кофейне и отдохавшие под навесом люди. – Жарко и скучно. А вы люди дорожные. Расскажите нам, не встречали ли чего любопытного в пути?

– Ничего и никого я не видал, добрые люди! – отвечал Правдивый. – В такую жару все по домам да по кофейням сидят попрятавшись. Во всём городе только собака какая-то перебежала дорогу.

– А я вот, – сказал Лжец, – сейчас на улице тигра встретил. Тигр перебежал мне дорогу.

Все вдруг ожили. Как истомлённые зноем цветы, если взбрызнут их водою.

– Как? Где? Какого тигра?

– Какие бывают тигры? – отвечал Лжец. – Большой, Полосатый, клыки оскалил – вот! Когти выпустил – вот! Но бокам себя хвостом лупит, – видно зол! Затрясся я, как он из-за угла вышел. Думал – на месте умру. Да, слава Аллаху!

Он меня не заметил. А то не говорить бы мне с нами!

– В городе тигр!

Один из посетителей вскочил и во всё горло крикнул:

– Эй, хозяин! Вари мне ещё кофе! Свежего! До поздней ночи в кофейне сидеть буду! Пусть жена дома кричит хоть до тех пор, пока жилы на шее лопнут! Вот ещё! Как и домой пойду, когда по улицам тигр ходит!

– А я пойду к богачу Гассану, – сказал другой. – Он мне хоть и родственник, но не очень-то гостеприимен, нельзя сказать. Сегодня, однако, как начну рассказывать про тигра в нашем городе, расщедрится, угостит и барашком, и пловом. Захочется, чтобы рассказал поподробнее. Поедим за тигрово здоровье!

– А я побегу к самому вали! – сказал третий. – Он сидит себе с жёнами, да прибавит ему Аллах лет, а им красоты! И ничего, чай, не знает, что в городе делается! Надо ему рассказать, пусть сменит гнев на милость! Вали мне давно грозит: «Я тебя в тюрьму посажу!» Говорит, будто и нор. А теперь простит, да ещё деньгами наградит, – что первый ему такое важное донесение сделал!

К обеду весь город только и говорил, что на улицах бродит тигр.

Сотня людей самолично его видела:

– Как не видать? Как вот тебя теперь вижу, – видел. Только, должно быть, сыт был, не тронул.

А к вечеру и жертва тигра обнаружилась.

Случилось так, что в тот самый день слуги вали поймали одного воришку. Воришка стал было защищаться и даже одного слугу ударил. Тогда слуги вали повалили воришку и поусердствовали так, что уж вечернюю молитву воришка отправился творить пред престолом Аллаха.

Испугались слуги вали своего усердия. Но только на один миг. Побежали они к вали, кинулись в ноги и донесли:

– Могущественный вали! Несчастье! В городе появился тигр и одного воришку насмерть заел!

– Знаю, что тигр появился. Мне об этом другой вор говорил! – отвечал вали. – А что воришку съел, беда невелика! Так и надо было ожидать!

Раз тигр появился, должен он кого-нибудь съесть. Премудро устроен свет! Хорошо ещё, что вора!

Так что с тех пор жители, завидев слуг вали, переходили на другую сторону.

С тех пор как в городе появился тигр, слуги вали стали драться свободнее.

Жители почти все сидели взаперти.

И если кто заходил рассказать новости про тигра, того встречали в каждом доме с почётом, угощали чем могли лучше:

– Бесстрашный! Тигр в городе! А ты по улицам ходишь!

К богачу Гассану явился бедняк – юноша Казим, ведя за руку дочь Гассана, красавицу и богатую невесту Рохэ. Увидав их вместе, Гассан затрясся весь от злости:

– Или на свете уж больше кольев нет? Как посмел ты, нищий негодяй, в противность всем законам, правилам и приличиям, обесчестить мою дочь, дочь первого богача: по улице с ней вместе идти?

– Благодарю пророка, – отвечал с глубоким поклоном Казим, – что хоть как-нибудь к тебе дочь да пришла! А то бы видел ты её только во сне. Дочь твою сейчас чуть было тигр не съел!

– Как так? – затрясся Гассан уж с перепуга.

– Проходил я сейчас мимо фонтана, где наши женщины берут обыкновенно воду, – сказал Казим, – и увидел твою дочь Рохэ. Хоть её лицо и было закрыто, – но кто же не узнает серны по походке и по стройности пальмы? Если человек, объездив весь свет, увидит самые красивые глаза, он смело может сказать: «Это Рохэ, дочь Гассана». Он не ошибётся. Она шла с кувшином за водой. Как вдруг из-за угла выпрыгнул тигр. Страшный, огромный, полосатый, клыки оскалил – вот! Когти выпустил – вот! Себя по бокам хвостом бьёт, – значит – зол.

– Да, да, да! Значит, правду ты говоришь! – прошептал Гассан. – Все, кто тигра видел, так его описывают.

– Что испытала, что почувствовала Рохэ, – спроси у неё самой. А я почувствовал одно: «Пусть лучше я умру, но не Рохэ». Что будет без неё земля? Теперь земля гордится перед небом, – на небе горит много звёзд, но глаза Рохэ горят на земле. Кинулся я между тигром и Рохэ и грудь свою

зверю подставил: «Терзай!» Сверкнул в руке моей кинжал. Должно быть, Аллах смилостивился надо мной и сохранил мою жизнь для чего-нибудь очень хорошего. Блеска кинжала, что ли, тигр испугался, но только хлестнул себя по полосатым бокам, подпрыгнул так, что через дом перепрыгнул, и скрылся. А я, – прости! – с Рохэ к тебе пришёл.

Гассан схватился за голову:

– Что ж это я, старый дурак! Ты уж не сердись на меня, любезный Казим, как не сердятся на сумасшедшего! Сижу, старый осёл, а этакий дорогой, почётный гость передо мной стоит! Садись, Казим! Чем тебя потчевать? Чем угощать? И как милости прошу, позволь мне, храбрый человек, тебе прислуживать!

И когда Казим, после бесчисленных поклонов, отказов и упрасиваний, сел, Гассан спросил у Рохэ:

– Сильно ты испугалась, моя козочка?

– И сейчас ещё сердце трепещёт, как подстреленная птичка! – отвечала Рохэ.

– Чем же, чем мне тебя вознаградить? – воскликнул Гассан, вновь обращаясь к Казиму. – Тебя, самого доблестного, храброго, лучшего юношу на свете! Какими сокровищами? Требуй от меня, чего хочешь! Аллах – свидетель!

– Аллах среди нас! Он свидетель! – с благоговением сказал Казим.

– Аллах свидетель моей клятвы! – подтвердил Гассан.

– Ты богат, Гассан! – сказал Казим. – У тебя много сокрови-

вищ. Но ты богаче всех людей на свете, потому что у тебя есть Рохэ. Я хочу, Гассан, быть таким же богачом, как и ты! Слушай, Гассан! Ты дал Рохэ жизнь, а потому её любишь. Сегодня я дал Рохэ жизнь, и потому имею право также её любить. Будем же её любить оба.

– Не знаю, право, как Рохэ... – растерялся Гассан.

Рохэ глубоко поклонилась и сказала:

– Аллах свидетель твоих клятв. Неужто ж ты думаешь, что дочь посрамит родного отца перед Аллахом и сделает его клятвопреступником!

И Рохэ вновь с покорностью поклонилась.

– Тем более, – продолжал Казим, – горе связывает язык узлом, радость его развязывает, – тем более что я и Рохэ давно любим друг друга. Только попросить её у тебя я не решился. Я нищий, ты богач! И мы каждый день сходились у фонтана оплакивать нашу горькую долю. Потому-то я и очутился сегодня около фонтана, когда пришла Рохэ.

Омрачился Гассан:

– Нехорошо это, дети!

– А если бы мы у фонтана не сходились, – отвечал Казим, – тигр бы съел твою дочь!

Гассан вздохнул:

– Да будет во всём и всегда воля Аллаха. Не мы идём, он нас ведёт!

И благословил Рохэ и Казима.

И все в городе славили храбрость Казима, сумевшего до-

быть себе такую богатую и красивую жену.

До того славили, что даже сам вали позавидовал:

– Надо и мне что-нибудь с этого тигра получить!

И послал вали с гонцом в Тегеран письмо.

«Горе и радость сменяются, как ночи и дни! – писал вали в Тегеран. – Волею Аллаха тёмная ночь, нависшая над кишим славным городом, сменилась солнечным днём. Напал на наш славный город лютый тигр, огромный, полосатый, с когтями и зубами такими, что глядеть страшно. Через дома прыгал и людей ел. Каждый день мои верные слуги доносили мне, что тигр съел человека. А иногда ел и по два, и по три, случалось – и по четыре в день. Напал ужас на город, только не на меня. Решил я в сердце своём: «Лучше пусть я погибну, но город от опасности спасу». И один пошёл на охоту на тигра. Встретились мы с ним в глухом переулке, где никого не было. Ударил себя тигр хвостом по бокам, чтоб ещё больше разъяриться, и кинулся на меня. Но так как я с детства ничем, кроме благородных занятий, не занимался, – то и умею я владеть оружием не хуже, чем тигр хвостом. Ударил я дедовской кривой саблей тигра между глаз и разрубил его страшную голову надвое. Чрез что и спасён мной город от страшной опасности. О чём я и спешу уведомить. Тигрова же кожа в настоящее время выделяется, и, когда будет выделана, я её пришлю в Тегеран. Сейчас же невыделанную не высылаю из опасения, чтоб тигрова кожа в дороге от жары не прокисла».

– Ты смотри! – сказал вали писарю. – Внимателен будь, когда переписывать станешь! А то бухнешь вместо «когда будет выделана» – «когда будет куплена!».

Из Тегерана вали прислали похвалу и золотой халат. И весь город был рад, что храбрый вали так щедро награждён.

Только и разговоров было, что о тигре, охоте и награде. Надоело всё это Правдивому человеку. Стал он на всех перекрёстках всех останавливать:

– Ну, что вы врёте? Что врёте? Никогда никакого тигра и не было! Выдумал его Лжец! А вы трусите, хвастаетесь, ликуете! Вместе с ним мы шли, – и никакого тигра нам никогда не попадалось. Бежала собака, да и то не бешеная.

И пошёл в городе говор:

– Нашёлся Правдивый человек! Говорит, что тигра не было!

Дошёл этот слух и до вали. Приказал вали позвать к себе Правдивого человека, затопал на него ногами, закричал:

– Как ты смеешь ложные известия в городе распространять!

Но Правдивый человек с поклоном ответил:

– Я не лгу, а говорю правду. Не было тигра, – я и говорю правду: не было. Бежала собака, – я и говорю правду: собака.

– Правду?! – Вали усмехнулся. – Что такое правда? Правда – это то, что говорит сильный. Когда я говорю с шахом, – правда то, что говорит шах. Когда я говорю с тобой, – правда то, что говорю я. Хочешь всегда говорить правду? Купи се-

бе раба. Что бы ты ему ни сказал, – всё всегда будет правда. Скажи, ты существуешь на свете?

– Существуую! – с уверенностью ответил Правдивый.

– А по-моему – нет. Вот прикажу тебя сейчас посадить на кол, – и выйдет, что я сказал чистейшую правду: никакого тебя и на свете нет! Понял?

Правдивый стоял на своём:

– А всё-таки правду буду говорить! Не было тигра, Собака бежала! Как же мне не говорить, когда я своими глазами видел!

– Глазами?

Вали приказал слугам принести золотой халат, присланный из Тегерана.

– Это что такое? – спросил вали.

– Золотой халат! – ответил Правдивый.

– А за что он прислан?

– За тигра.

А за собаку золотой халат прислали бы?

– Нет, не прислали бы.

– Ну, значит, ты теперь своими глазами видел, что тигр был. Есть халат – значит, был и тигр. Иди и говори правду. Был тигр, потому что сам халат за него видел.

– Да ведь правда...

Тут вали рассердился.

– Правда это то, что молчат! – сказал он наставительно. – Хочешь правду говорить, – молчи. Ступай и помни.

И пошёл Правдивый человек с большим бесчестьем.

То есть в душе-то его все очень уважали. И Казим, и вали, и все думали: «А ведь один человек во всём городе правду говорит!»

Но все от него сторонились: кому же охота, Правдивому человеку поддакивая, Лжецом прослыть?!

И никто его на порог не пускал.

– Нам вралей не надо!

Вышел Правдивый человек из города в горе. А навстречу ему идёт Лжец, толстый, румяный, весёлый.

– Что, брат, отовсюду гонят?

– В первый раз в жизни ты правду сказал! – отвечал Правдивый.

– Теперь давай сосчитаемся! Кто больше счастливых сделал: ты своей правдой или я своей ложью. Казим счастлив, – на богатой женился. Вали счастлив, – халат получил. Всяк в городе счастлив, что его тигр не съел. Весь город счастлив, что у него такой храбрый вали. А всё через кого? Через меня! Кого ты сделал счастливым?

– Разговаривать с тобой! – махнул рукой Правдивый.

– И сам даже ты несчастлив. А я, – погляди! Тебя везде с порога гонят. Что ты сказать можешь? То, что на свете существует? То, что все и без тебя знают? А я такое говорю, чего никто не знает. Потому что я всё выдумываю. Меня послушать любопытно. Оттого мне везде и приём. Тебе – одно уваженье.

А мне – всё остальное! И приём, и угощение.

– С меня и одного уваженья довольно! – ответил Правдивый.

Лжец даже подпрыгнул от радости:

– В первый раз в жизни солгал! Будто довольно?

И так как Правдивый покраснел, то Лжец добавил:

– Соврал, брат! Есть-то ведь и тебе хочется!

Не те пятки

Мудрый Джаффар, заботливый правитель города, заметил, что по улицам и базарам Каира бродят, пошатываясь, люди с бледными, словно восковыми, лицами, крупными каплями пота на лбу и мутными глазами. Презренные курильщики опиума. Их было много, очень много. Это обеспокоило заботливого правителя города. И он созвал к себе на совещание всех наиболее почитаемых, знатнейших и богатейших людей Каира.

Угостив их сладким кофе, рахат-лукумом, финиками, начинёнными фисташками, вареньем из лепестков роз, янтарным мёдом, винными ягодами, изюмом, миндалём и орехами в сахаре, он встал, поклонился и сказал:

– Святой муфтий, чтимые муллы, уважаемый кади, почтенные шейхи и вы все, кого знатность, власть или богатство поставили выше людей! Только один Аллах в сноти премудрости знает, на что существует это безумие. Но весь Каир курит опиум. Люди похожи на воду, и недовольство – на тот туман, который поднимается над водой. Люди недовольны жизнью здесь, на земле, и ищут другой в мечтах, которые навеивает на них проклятый сок мака. Я созвал вас, чтобы спросить у вашей мудрости совета: что нам делать в такой беде?

Все вежливо молчали. Только один кто-то сказал:

– Устроить людям жизнь здесь на свете лучше!

Но на него посмотрели, как на дурака.

Поднялся сам муфтий, поклонился и сказал:

– Жители Каира – ленивцы. Среди них много воров. Они плуты, мошенники, обманщики. И если каждый из них не продаёт родного отца, то только потому, что нет покупателей. Но они благочестивы. А это самое главное. К благочестию их и надо обратиться. Против желаний сильна только мысль. А мысль – это благовонный дым, который исходит от пламенных слов. Горят и пылают слона, от них струятся мысли и фимиамом заволакивают умы слушателей. Позволь мне, заботливый и мудрый правитель города, обратиться к благочестивым жителям Каира с пламенными словами о вреде курения опиума.

Заботливый правитель города ответил:

– Аллах дал человеку язык, чтобы говорить.

Я позволяю обращаться к жителям с какими угодно словами, только бы эти слова не были против полиции. Можно говорить, что угодно об Аллахе, но ничего о полиции. Аллах всемогущ, и сам сумеет наказать виновного. Это его святое дело. Но полиции касаться я не позволю. Во всём остальном язык свободен, как птица. И слова – как птичье пение.

В ближайшую пятницу в самой большой мечети Каира муфтий поднялся на возвышение и сказал:

– Создания Аллаха! Вы курите опиум, потому что это одна из радостей жизни. Бросьте, потому что это только одна

из радостей жизни. Что такое жизнь? Что говорит нам о ней пророк, да будет над ним мир и благословение? Не увлекайтесь радостями этой жизни, тленной и скоропреходящей, потому что там вас ждут радости вечные, которым нет конца и нет перерыва. Не увлекайтесь богатством. Там ждут вас горы алмазов, рубинов, бирюзы. Золотом вытканы там палатки из драгоценных шалей, пухом, нежнее лебяжьего, набиты подушки, и мягки они, как колени матери. Не увлекайтесь едой и питьём. Там ждёт вас еда, которую вы будете есть вечно, не зная пресыщенья. И розами пахнет там свежая ключевая вода. Не увлекайтесь охотой. Дивными птицами, красоты неописанной, словно покрытыми драгоценными камнями, полны там леса. И из каждого куста на вас будет смотреть газель. И вы будете стрелять их золотыми стрелами без промаха, несясь на конях, быстрых и лёгких, как ветер. Не увлекайтесь женщинами. Там будут служить вам покорные гурии, прекрасные, вечно юные, не знающие старости, не знающие забот, кроме одной: быть вам приятными. Их глаза полны любви, а слова – музыки. Их вздохи наполняют воздух ароматом цветов. Когда они танцуют, они похожи на лилии, качающиеся на своих стеблях. Ваш опиум даёт вам это только на мгновение, а там, – там это вечно!

И чем лучше говорил святой муфтий про рай, тем больше разгоралось в сердцах слушателей желание узнать этот рай поскорее и увидеть его хоть на одно мгновенье.

Чем больше проповедовал муфтий, тем сильнее и сильнее

распространялось курение опиума в Каире.

Скоро не осталось ни одного благочестивого человека, который бы не курил.

Если встречался на улице или на базаре человек с цветущим лицом и ясными глазами, — мальчишки хватали камни.

— Вот нечестивец, который никогда не ходит в мечеть! Он не слышал, как наш святой муфтий описывает рай, и не желает повидать этот рай хоть на мгновение.

Всё это встревожило заботливого правителя города Джаффара.

Он созвал к себе знатнейших и благороднейших жителей города на совещание, угостил их кофе и сладостями, как требовало его и их достоинство, поклонился и сказал:

— Благочестие благочестием, но внушать людям хорошие мысли при помощи слов мне кажется противным природе. Человек принимает и извергает принятую пищу с разных концов своего тела. То же должно быть и с пищей духовной. Голова — это желудок, где перевариваются мысли, а изо рта они вылетают в виде слов. Раз с этого конца тела мысли выходят, значит, входить они должны с другого конца. Из этого я заключаю, что хорошие мысли должно внушать палками по пяткам. Это дело уже не муфтия, а заптиев. Так я понимаю свои обязанности.

Все вежливо молчали.

Присутствовавший на собрании мудрый и святой дервиш перестал есть сладости и сказал:

– Ты прав. Но нужно бить палками надлежащие пятки!

– Я и буду колотить те пятки, которые следует! – сказал Джаффар.

В тот же день глашатаи на всех базарах и перекрёстках улиц Каира с барабанным боем во всё горло прокричали приказ заботливого правителя города:

– Объявляется всем добрым и благочестивым жителям Каира, – да хранит Аллах этот город тысячи тысячелетий, – что отныне воспрещается всем, мужчинам, женщинам и евнухам, юношам, взрослым, старикам, знатным, рабам, богачам и нищим, курить опиум, так как куренье опиума не только вредно для здоровья, но неприятно начальству. Всякий, кто будет уличён в курении опиума, тут же, на месте, немедленно, без всяких разговоров, получит столько палок по пяткам, сколько он может вытерпеть. И даже несколько больше. О чём правителем города Джаффаром, – да пошлёт ему Аллах столько счастья, сколько послал мудрости, – дан надлежащий приказ всем заптиям. Имеющие пятки пусть подумают!

Джаффар собрал к себе заптиев и сказал им:

– Отныне, как только увидите человека с бледным лицом, в поту и с мутными глазами, бейте его по пяткам, как в бубен. Безо всякого милосердия. Идите, и да поможет вам в этом Аллах.

Заптии весело посмотрели на заботливого правителя города. Полиция всегда рада исполнить волю начальства.

И сказали:

– Пошли Аллах жителям побольше пяток, а у заптиев рук хватит.

Целые дни и даже ночи Джаффар, сидя у себя в доме, слышал вопли тех, кому вбивали в пятки хорошие мысли, и радовался:

– Искореняют!

Заптии, как он заметил, стали одеваться лучше, губы и щёки у них лоснились от бараньего жира, – видимо, каждый день ели молодого барашка, – и многие даже завели себе кольца с бирюзой.

Но курение опиума не уменьшалось. Кофейни были полны людьми, которые душевными глазами видели рай, но телесными смотрели мутно и не видели ничего.

– Те ли пятки вы бьёте? – спросил заботливый правитель города у начальника заптиев, помня слова мудрого и святого дервиша.

– Господин! – отвечал тот, целуя землю у его ног. – Мы поступаем по твоёму мудрому приказу: как только увидим человека в поту, с бледным лицом и с мутными глазами, без всякого милосердия бьём его по пяткам.

Джаффар приказал послать осла за мудрым и святым дервишем.

Мудрый и святой дервиш приехал с великой честью. Джаффар встретил его босиком, потому что голова мудреца – это дом Аллаха, и к жилищу Аллаха надо приближаться

босым.

Поклонился дервишу до земли и рассказал своё горе.

– Спроси совета у твоей мудрости и сообщи его моей простоте.

Дервиш пришёл в дом заботливого правителя города, сел на почётное место и сказал:

– Моя мудрость сейчас молчит, потому что говорит желудок. Мудрость умна и знает, что желудка не перекричишь. У него такой громкий голос, что, когда он кричит, все мысли улетают из головы, как испуганные птицы из куста. Я пробовал его укрощать, но с этим бунтовщиком можно справиться, только исполнив все его требования. Этот бунтовщик меньше всякого другого слушает доводы рассудка. По дороге к тебе я встретил ягнёнка, но с таким курдючком, какой приятно было бы видеть и у взрослого барана. В желудке у меня явилась мысль: «Хорошо бы посмотреть его зажаренным». Но рассудок ответил: «Мы едем к заботливому Джаффару, и там нас ждёт ягнёнок, чиненый орехами». Желудок замолчал, пока мы не встретили курицы, курицы такой жирной, что от лени она едва ходила. «Хорошо бы начинить эту курицу фисташками!» – подумал желудок, но разум ответил ему: «Заботливый Джаффар, наверное, это уже сделал». При виде гранатового дерева желудок стал кричать: «Куда мы едем и чего ищем, когда счастье около нас? В жару какое общество может быть приятнее общества спелой гранаты в тени дерева?» Разум отвечал разумно: «У заботливого

Джиаффара нас ждут не только спелые гранаты, но и апельсинные корки, варёные в меду, и все сорта шербета, какие только может придумать заботливый человек». Так ехал я и всю дорогу думал о кебабах, пловах, почках, жаренных на вертеле курах с шафраном, и успокаивал желудок тем, что всё это, наверное, найдем мы у тебя. И в изобилии. Теперь же, когда я не вижу ничего, кроме тебя, мой желудок кричит так громко, что моя мудрость молчит из боязни не быть услышанной даже мною.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.